

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ АНТРОПОЭТОНИМОВ В РУССКИХ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ВИКТОРА СЕРГЕЕВИЧА РОЗОВА

И. М. Петрачкова

Гомельский государственный медицинский университет

Республика Беларусь

E-mail: innamihail@mail.ru

В статье описываются единицы, являющиеся знакомыми и узнаваемыми многими носителями языка, при использовании которых затрагивается историко-литературная и культурная память. Показано, что прецедентные антропоэтонимы в своей основе имеют источник, ситуацию, которые со временем закрепились в речевой культуре. Эти номинации становятся имплицитным элементом когнитивной базы носителей языка и являются константами художественного мира писателя.

Ключевые слова: прецедентное имя; лингвокультурология; аллюзия; ономастическая метафора; ономастическое сравнение; узуальное имя; ассоциация.

Проблема взаимодействия языка и культуры является одной из центральных для филологических наук. В каждой культуре имеются определённые языковые единицы, в том числе это могут быть и имена собственные (далее ИС), необходимые для возникновения в сознании читателя / зрителя тех или иных образов и смыслов при восприятии и постижении происходящих в художественном тексте (ХТ) событий. Для эффективного понимания необходима культурная грамотность коммуникантов (участников коммуникативного акта, порождающих высказывания и интерпретирующих их), которая заключается в наличии у каждого фоновых знаний – общеизвестной информации, донесённой с помощью универсальных символов. Эти знания не являются предметом сообщения, но, несомненно, представляют собой важную его часть, которая поможет обеспечить адекватность восприятия информации. Во многом пополнению культурной компетенции способ-

ствуют распространение соответствующих знаний и стратегий коммуникативного поведения, элементы образования и самообразования, которые доносятся благодаря средствам массовой информации, кино, театру, художественной литературе, в том числе и произведениям драматургии. Эти сферы содействуют проникновению в жизнь современного коммуниканта смыслов межкультурных и национально-значимых прецедентных онимов, которые входят в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и создают общую основу для взаимопонимания. Объекты и события, ставшие основаниями для подобной концептуализации ИС, формируют в рамках лингвокультуры прецедентную концептосферу или когнитивную базу социума, способствуют сохранению целостности культуры определенного национально-языкового сообщества.

Исследование прецедентных имен (ПИ) в текстовом корпусе пьес как части межкультурной компетентности представляется значимым и актуальным, поскольку обусловлено недостаточной изученностью семантической структуры ИС, которая позволяет им выступать в качестве прецедентных феноменов, а также широко использовать эти номинации в переносных значениях, требующих адекватной интерпретации. Безусловно, ономастическая лексика является объектом пристального изучения современного языкознания и лингвистики текста. В центре внимания нашей статьи находится лишь часть ПИ, а именно только прецедентные антропонимы (собственные имена людей, персонажей или упоминаемых лиц того или иного художественного произведения). Сам термин «прецедентный» в переводе с латинского означает «предшествовавший» (от лат. *praecedere* – предшествовать, идти вперед) [10].

ПИ – вербальный прецедентный феномен, который определяется как индивидуальное имя, связанное: 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных; 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная; 3) с именем-символом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [3, с. 147]. Д. Б. Гудков определяет *прецедентное имя* как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией; это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственному денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного или более элементов, обозначая при этом одно понятие» [1]. Лингвист В.А. Маслова в свою очередь предлагает следующее определение ПИ:

«Прецедентными именами называют индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами (Обломов, Тарас Бульба), с ситуациями, которые известны большинству представителей данной нации (Иван Сусанин, дед Талаш)» [4, с. 53]. Онимы данного типа – это важнейшая часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанная с национальными ценностями и традициями. ПИ к тому же – один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому и одновременно способ объединения народа вокруг культурных ценностей и нравственных идеалов.

Достаточно часто такие ИС переходят в разряд нарицательных. Аллюзивные имена собственные (АИС / синоним ПИ) – это особый словесный знак, совмещающий в себе свойства собственного и нарицательного имени, но не входящий ни в один из этих классов. ПИ представляют собой некий промежуточный, переходный случай между этими двумя классами имен. Это характеризующие знаки, так как они порождают ассоциативные (аллюзивные) связи в сознании читателя / зрителя. В поэтонимах подобного рода происходит кодирование информации автором и декодирование ее читателем.

С нашей точки зрения, под ПИ понимаются ИС, соотносимые с определенными денотатами. Но основное свойство таких лексем заключается в наличии четких связей между именем и известным лицом, а также теми ассоциациями, какие данное лицо вызывает.

АИС входят в фонд фоновых знаний, в фонд исторической памяти, поэтому представляют большой интерес и в лингвокультурологическом аспекте. Они обладают свойством аккумулировать в себе большие объемы лингвистической и культурной информации в сравнении с другими единицами и сочетаниями. ПИ – это тип интертекстуального включения, обладающий стилистическим и прагматическим воздействием на адресата и отсылающий к определенным литературным, культурным и историческим фактам. В зависимости от обозначаемого ими денотата аллюзивные антропоэтонимы могут называть литературных персонажей, политиков, философов, деятелей искусства, исторических лиц и проч. Основная цель их использования – побуждение коммуниканта к формированию ассоциаций, основанных на его фоновых знаниях и картине мира, соотнесению этих ассоциаций с контекстом, в котором данное ИС употреблено.

Материалом для нашего исследования послужили ПИ из таких пьес русского драматурга второй половины XX века В.С. Розова, как «В дороге», «Затейник», «Традиционный сбор», «В день свадьбы», «Вечно живые». Объектом данной статьи стали ПИ. Предмет изыска-

ния – их семантические и функциональные характеристики в контексте драматургических произведений. Цель исследования состоит в рассмотрении АИС, функционирующих в пьесах В.С. Розова, как части межкультурной компетентности и как фактора эффективности коммуникации. Для выявления лингвокультурной специфики и функционально-семантических особенностей ПИ в работе использованы метод сплошной выборки, классификационный, аналитико-описательный, метод интерпретации эмпирического материала, метод комплексного анализа текста.

Сложность организации ХТ подразумевает множественность его интерпретаций. Поэтому автор должен ввести в текст ориентиры, чтобы сузить это множество трактовок до тех, которые подразумевает сам писатель. Для введения таких ориентиров художник слова как раз и обращается к общеизвестным фактам, произведениям литературы, достижениям культуры, легко узнаваемым читателем. АИС, на наш взгляд, и являются теми константами художественного мира писателя, благодаря которым реализуется авторский замысел. Каждое драматургическое произведение также содержит в себе информацию, реализующую авторскую точку зрения в сознании читателя. В зависимости от замысла драматурга ПИ могут быть легко узнаваемы, а могут присутствовать в тексте неявно. Реминисценции в ХТ могут выполнять целый ряд функций: игровую, сигнальную, презентационную (характеризующую). Но все эти функции объединены единой, самой главной, коммуникативной, т.к. только в процессе реализации восприятия ХТ пьесы становится очевидным, насколько точно и правильно осознаны ПИ и достигнуто понимание замысла, глобальной идеи драматурга-создателя.

По нашим наблюдениям, все АИС и словоупотребления с ними подразделяются на две группы по критерию денотации / коннотации, дифференциация которых к тому же обусловлена раскрытием социально-исторического или же филологического контекстов.

К денотативным ПИ относятся онимы, несущие в себе определенный культурный код и создающие образность произведения, но не участвующие при этом в создании метафорических смыслов, принципиальной выразительности, экспрессивности или образности, фигуральности. Это собственно *узуальные* реминисценции, ИС ученых, писателей, философов, исторических деятелей, литературных героев и т.д. Приведем некоторые примеры номинаций данного типа: президент Академии наук *Келдыш*, *Горький / Алексей Максимович / Максим Горький*, *Ницше*, *Кант*, *Шопенгауэр*, *Базаров*, *Лев Толстой / Лев Николаевич – «В дороге»*; *Толстой*, *Абалаковы*, *Пушкин*, *Лермонтов*, *Ни-*

колай Островский – «Затейник»; Арбузов, Ермоловы, Савины, Комиссаржевские, Пушкин, Аполлон, Чарли Чаплин – «Традиционный сбор»; Валентина Терешкова, Мольер, Карл Маркс, Пушкин, Толстой, Шевченко – «В день свадьбы» и др. Как правило, они этой группы обладают социально-историческим контекстом, представляющим собой отсылки к соответствующей реальной действительности, в данном случае к именам широкоизвестных людей. Восприятие этого контекста не ограничивается определением источника аллюзии, а ориентировано на понимание реального взаимодействия литературных текстов, авторских мировоззрений, социально-исторических эпох. Например, в пьесе «В день свадьбы» драматург, отражая правду жизни, актуальность для молодежи 60-х годов прошлого века наглядной агитации, листовок, лозунгов и прочих средств пропаганды, акцентирует внимание читателя / зрителя на высказывания о любви классиков, написанные в стенгазете, подготовленной для молодоженов их друзьями. Сами приведенные цитаты формулируют основные веяния, приоритеты в отношении любви, дружбы, семьи, предъявляемые к советской молодежи второй половины XX века. Драматург ссылается на авторитеты таких русских, украинских, немецких, французских писателей, общественных деятелей и политиков, как *Пушкин, Толстой, Шевченко, Карл Маркс, Мольер*. Героиня пьесы Майя Мухина интерпретирует каждую цитату, создавая при этом игровой комический эффект: «МАЙЯ. ... "Любви все возрасты покорны. *Пушкин*"... Не возражаем, пусть всем достанется... "Любить – значит жить жизнью того, кого любишь. *Толстой*"... Однобоко, старик, узко – о себе думать тоже не мешает... <...> "У любви, как у пташки, крылья, законов всех она сильнее. *Кармен*". Сразу видно, своя баба!» [9, с. 147 – 148].

На свидании с девушкой Володя из пьесы «В дороге» сообщает ей о том, что он вновь рассчитался с работы. Желая поддержать Вову, его собеседница замечает: «Конечно, чего тебе на этой товарной вагоны гонять после десятилетки-то!». На что молодой человек иронично заявляет: «Факт! Меня должны были сразу выбрать президентом Академии наук вместо *Келдыша*» [9, с. 7]. Современникам драматурга вполне понятно, о ком идет речь. *Мстислав Всеволодович Келдыш* — известный советский учёный в области прикладной математики и механики, один из идеологов космической программы, который в 60 – 70-е годы прошлого века являлся Президентом Академии наук СССР.

В контексте пьесы герои часто апеллируют к литературным классикам, их героям, а также именам известных философов, ряд которых был признан вредными для социалистической морали и советских людей. Автор использует в ХТ их имена с целью продемонстрировать,

на каких идеалах происходит воспитание и формирование современной ему молодёжи. Дядя Вася, обращаясь к Володе, говорит: «Работать, брат, надо. Труд он облагораживает человека. <...> Не я, брат, это сказал – *Горький*» [9, с. 18]. Вову же интересуют *Ницше, Кант, Шопенгауэр*. Возражая против взглядов друзей Симы, он намекает им, что те не знакомы с трудами этих философов и мало что знают о них. «ВОВА. А ты читал *Ницше*? <...> Я даже на лекции ходил – там о *Канте*, о *Шопенгауэре* говорили...» [9, с. 19]. Использование В.С. Розовым аллюзивных узуальных весомых имен писателей русской литературы, популярных зарубежных философов отчетливо отражает противоречивые мировоззренческие идеалы периода «оттепели».

Кинорежиссер и актер Алексей Алексеевич Каменев («Традиционный сбор»), пытаясь объяснить противоречие в своем поведении молодым людям (разницу между его сценическим образом и реальным, жизненным), ссылается на самого поэта Александра *Пушкина*: «Видите, ребята, любой автор в своих произведениях показывает лучшую часть своего “я”. Помните, у *Пушкина*: "Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружен. Молчит его святая лира, душа вкушает хладный сон, и средь детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он"» [9, с. 284]. Каменев как истинный ценитель искусства с грустью и ностальгией вспоминает великих и талантливых актрис прошлого: «Это в прежние времена *Ермоловы, Савины, Комиссаржевские* умели...» [9, с. 280]. В читательском сознании данные образы обладают таким лингвокультурным смыслом, как ‘великие русские актрисы прошлого, ставшие примерами для подражания’.

Но есть в ХТ В.С. Розова и узуальные имплицитные номинации, обладающие широким реминисцентным фоном. Фамилия главного героя драмы «Вечно живые» [8] врача Фёдора Ивановича *Бороздина* достаточно хорошо известна в русской истории. Это аллюзивный антропоним, благодаря которому читатели заранее догадываются о высоких нравственных качествах персонажа, его патриотизме, преисполненном чувстве долга, благородстве человека, наделенного автором такой номинацией. В читательском сознании может возникнуть целый ряд исторических ассоциативных образов. Так, старинный дворянский род *Бороздиных* был известен на Руси еще с XIV века. Один из его наиболее знаменитых представителей *Бороздин Михаил Михайлович* (1767 – 1837 гг.), генерал-лейтенант, прославился как участник русско-шведской войны 1788 – 1790 годов и русско-турецкой войны 1787 – 1791 годов, а также войны 1812 года. Под руководством генерала Багратиона он участвовал в сражениях при Смоленске и Шевардине, в

Бородинской битве. За отличия был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Один из его братьев Андрей Михайлович Бороздин (1765 – 1838 гг.), генерал-лейтенант свою службу начал прапорщиком. Он также был участником русско-шведской войны. После начала Отечественной войны 1812 года сам обратился к императору с просьбой о поступлении в армию, но из-за эпидемии чумы в Крыму ему было отказано. Тогда же *Бороздин* был назначен главнокомандующим сухопутными войсками в Крыму. Другой брат *Николай Михайлович* (1777 – 1830 гг.), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. Службу начал сержантом. Отличился в сражениях под Гуттштадтом и Гейльсбергом. За отличия награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и произведен в генерал-майоры. Он был участником русско-шведской войны, а во время Отечественной войны проявил себя в бою при Островно. И особенно прославился своими отважными действиями в Бородинской битве [см. об этом: 2, с. 67]. Безусловно, подобный богатый ассоциативный ряд прецедентного антропонима *Бороздин* рождает в читательском сознании облик положительного героя. Действительно, все семейство *Бороздиных* в драме «Вечно живые» достойно и мужественно переживают тяжелые военные годы: отец Федор Иванович день и ночь трудится в больнице, спасает жизни раненым солдатам, дочь Ирина работает там же, помогая ему, сын Борис уходит добровольцем на фронт, где геройски погибает [подробнее: 5, с. 109].

Коннотативные же номинации, напротив, можно описать как особо метафоричные, несущие в себе смыслопорождающую функцию, обладающие определенной семантической аурой и эксплицирующие идиоматически или фразеологически устоявшиеся лингвокультурологические значения. Чтобы раскрыть образную, иносказательную, фигуральную сущность ИС потребуется исследование так называемого филологического контекста антропонима. Это отсылка носителя языка (читателя / зрителя) к различным ХТ, в том числе и на основе метафоризации соответствующих имен персонажей. В анализируемом нами материале встречаются в основном ономастические метафоры и ономастические сравнения.

В современной русской драматургии широко распространено метафорическое использование ИС для обозначения в переносном значении человека, который в той или иной степени похож на «законного» носителя соответствующего антропонима [см. об этом в работах: 6, 7]. Данный прием позволяет провести параллели между деятельностью, взглядами, личными качествами соответствующих субъектов политической или иной деятельности, выразить отношение автора к

этим людям и оказать эмоциональное воздействие на адресата ХТ. Так, герой пьесы «В дороге» Вова, обращаясь к своей спутнице Симе, называет ее *леди Астор*, давая тем самым исчерпывающую характеристику девушке, подчеркивая ее инициативность, смелость, находчивость, бережливость, рачительность и неординарность. Реальный исторический персонаж с таким именем – это дочь американского миллионера *леди Астор*. Она переехала в Великобританию в молодом возрасте после развода с первым мужем; там вышла замуж за медиамагната Уильяма Уолдорфа Астора. *Леди Астор* была очень состоятельной женщиной, однако, любила, перед всеми демонстрировать свою «бережливость». Иногда по вечерам после званого обеда с гостями она садилась около камина и начинала штопать порванные чулки. Неслучайно, Владимир присваивает Серафиме данную номинацию, иронизируя по поводу экономности и расчетливости юной девушки. Оказавшись в дороге совершенно без денег, именно «Сима шарит по карманам» [9, с. 37] и неожиданно восклицает: «У меня же три копейки есть! Вот! (Достала деньги.) Зайдем в булочную, двести пятьдесят граммов хлеба купим» [9, с. 37]. На что Вова незамедлительно реагирует: «Двести пятьдесят! Смотри-ка! Идем, *леди Астор!*!» [9, с. 37].

Один из бывших одноклассников на очередной встрече выпускников школы из пьесы «Традиционный сбор» Павел Козин честно заявляет Александру Машкову о диссонансе в его супружеской паре, используя при этом сравнения с персонажами русских былин: «Ты на вид, сам понимаешь, не *Илья Муромец*, даже не *Алеша Попович*, они друг дружке больше подходят (о жене Машкова Агнии Шабиной и ее бывшем муже Сергее Усове – И.П.)» [9, с. 278 – 279]. *Илья Муромец* и *Алеша Попович* – собирательные образы русских богатырей. Эти представители былинного эпоса прославились своей силой. Данные аллюзии несут в себе такие лингвокультурные фигуральные смыслы, как ‘храбрец, витязь, защитник, силач, богатырь, воин’. Причем упомянутые характеристики в большей степени присущи *Илье Мурому*. Что же касается *Алёши Поповича*, как младшего из входящих в богатырскую троицу (и значит, не самому лучшему из них), то с его именем соотносятся еще и такие семы, как ‘молодец, юноша, дружинник, добряк, отличающийся скорее не силой, а хитростью, ловкостью’. Былинному *Алеше Поповичу* были свойственны удаль, натиск, сметливость, находчивость, хитроумие. Используя в качестве сравнений хорошо известные носителям этноса АИС, В.С. Розов дает исчерпывающую характеристику персонажу, который «самый зычуханный был, без вида всякого и без цвета» [9, с. 232]. Циник и карьерист,

Сашка Машков, воспользовавшись доверчивостью и добротой своего бывшего друга Сергея, уводит у него жену Агнию, которая среди одноклассников всегда считалась самой красивой и умной девушкой, чем разрушает личное счастье двух любящих друг друга людей. Избранные драматургом ПИ таким образом категорически отрицают все перечисленные выше положительные характеристики, присущие настоящим русским былинным богатырям.

Подчеркивая крепкую дружбу между двумя вышеупомянутыми одноклассниками («Традиционный сбор»), автор в диалоге выпускников использует и еще одно сравнение, вновь прибегая к АИС: «КОЗИН. Слушай, я ведь и не знал: она Сергея-то Усова бросила. Что там вышло? Сашка с Сережкой, какие друзья были! *Маркс* и *Энгельс*! Как это Агния переменяла?» [9, с. 253]. Иноязычные номинации *Маркс* и *Энгельс*, особенно в советское время, всегда упоминались вместе, неотрывно дуг от друга, поскольку их референты, действительно, были соратниками и политическими единомышленниками. Немецкие социальные теоретики и политические деятели, вдохновители и организаторы, *Карл Маркс* и *Фридрих Энгельс*, чье творчество оказало значительное влияние на развитие социальной мысли и социологии, в сознании носителей языка были единодушны и неразделимы. В художественном контексте пьесы ПИ эксплицируют переносные семы 'друзья, соратники, единомышленники, приятели'.

Эпизодический персонаж пьесы Эдуард Беляев («Затейник») тайно от матери женится на любимой девушке, предварительно выкрад у первой свой паспорт, искренне считая, что он прав. Эдуард апеллирует к весомым именам выдающихся людей, сравнивая себя с ними: «Да нам еще в школе уши прожужжали: "*Пушкин* в семнадцать лет, *Лермонтов* в пятнадцать лет, *Николай Островский* в восемнадцать лет! А мне двадцать!.."» [9, с. 208]. На что Мария Павловна решительно заявляет: «Но ты *не Пушкин*, и *не Лермонтов*, и уж никак *не Николай Островский*» [9, с. 208], принижая тем самым значимость сына. «ЭДУАРД. Безусловно. Я Эдуард Беляев. МАРИЯ ПАВЛОВНА. Это не так много <...> Надо, чтоб и другим что-то перепало» [9, с. 208]. Характеризующая семантика использованных ПИ в данном контексте – 'авторитетные люди, которые многое сделали для других'.

АИС связывают героя во вторичном тексте с оригинальным героем, при этом их поступки, внешность, характер и атрибуты могут либо полностью совпадать, либо отличаться. Основой метафорического употребления ПИ является фоновое знание (знание текстов культуры). Однако, напомним, что раскрытие значения онимов данного типа, возникновение в читательском сознании соответствующих ассоциа-

ций является факультативным. Это зависит от уровня образованности и эрудиции читателя / зрителя [об этом: 6, 7]. Значимость АИС и заключённого в нем смысла колоссальна. Зная и понимая эту семантику онама в ХТ, носители языка могут узнать, что подразумевается во время той или иной ситуации межличностного общения, или же верно истолковать содержание произведений художественной литературы, в которых писатели часто прибегают к употреблению прецедентной лексики с целью выразить свою позицию и отношение к герою.

Таким образом, ПИ широко употребляются для выражения эмоциональной оценки, а также с целью придать тексту экспрессивность, что обусловлено рядом фактором, главным из которых является, по нашему мнению, наличие коннотативного аспекта в представлении, стоящим за АИС. Благодаря коннотациям, образы, хранящиеся в нашем сознании, являются эмоционально окрашенными, и в результате восприятия ассоциативно-образного представления, возбуждаемого данным ПИ, вызывают соответствующую, зачастую стереотипную, эмоциональную реакцию. Употребление в ХТ имен данного типа, обладающих определенной лингвокультурной спецификой, позволяет драматургу В.С. Розову сообщить новую информацию, выразить логическую и эмоциональную оценку объекта, вести скрытый диалог с читателем / зрителем, эффективнее воздействовать на адресата за счёт экспрессивно-стилистической окрашенности оценочных ономастических номинаций. Образы персонажей в ХТ всегда психологически детерминированы, но при этом статичны, их поступки предсказуемы, типажи нарочито узнаваемы. Автор апеллирует к подобным именам, не только чтобы лучше выразить свое отношение к героям, но и ненавязчиво дать им исчерпывающую характеристику, кратко обозначить события, происходящие с действующими лицами пьесы, создать игровой или комический эффект. Способность воссоздавать лингвокультурные образы, ассоциации, заложенные в прецедентных номинациях, определяет также возможность преодоления языкового и культурного барьеров между коммуникантами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гудков, Д.Б. К вопросу о словаре прецедентных феноменов / Д.Б. Гудков // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 288 с.
2. Залесский, К.А. Наполеоновские войны. 1799 – 1815. Биографический энциклопедический словарь / К. А. Залесский. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – С.220 – 222.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
4. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В.А. Маслова. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.

5. Петрачкова, И.М. Имена героев в драматургии В. С. Розова. / И.М. Петрачкова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – №4 (61). – С. 106 – 113.
6. Петрачкова, И. М. Имена-реминисценции в текстах современной русской прозы / И.М. Петрачкова // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2004. – №1 (22). – С. 97 – 102.
7. Петрачкова, И.М. Прецедентные имена как экспликаторы идиоматических и паремиологических смыслов в постмодернистских пьесах Д. М. Липскерова / И.М. Петрачкова // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем : К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко / редкол.: Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – С.199–205. – 264 с.
8. Розов, В.С. В добрый час: пьесы. / В.С. Розов. – М.: Советский писатель, 1973. – 600 с.
9. Розов В.С. Мои шестидесятые... (пьесы и статьи) / В.С. Розов. – М.: Изд-во «Искусство», 1969 – 376 с.
10. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / Под ред. А.Н. Чудинова. – Изд. 3-е, исправ. и доп. – СПб.: Издание В.И. Губинского, 1910.

**LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF PRECEDENT
ANTHROPOETONYMS IN RUSSIAN DRAMATIC TEXTS BY VICTOR
SERGEEVICH ROZOV**

I.M. Petrachkova

Gomel State Medical University

Republic of Belarus

E-mail: innamihail@mail.ru

The units that are familiar and recognizable by many native speakers, the use of which affects the historical, literary and cultural memory are described in the article. It is shown that the precedent anthropoetonyms basically have the source, the situation that have eventually become entrenched in the speech culture. These nominations become an implicit element of the cognitive base of a native speaker and are constants of the writer's artistic world.

Keywords: precedent name; cultural linguistics, allusion; onomastic metaphor; onomastic comparison; common name; association.